

Сдерживая желание обнять Сяо Шисинь, она оставалась на месте, лишь в голосе слышались нотки жалобы с оттенком каприза.

Сяо Шисинь на мгновение замерла, сжала губы, слегка повысив голос, предложила:

— Тогда пойдем отдохнем?

Тан Сяожань покачала головой, взгляд по-прежнему крепко держался на ней, на словах ничего не говоря, но в глазах было столько слов, что они, казалось, высыпались с каждым взмахом ресниц.

Сяо Шисинь больше не могла сидеть спокойно, на мгновение ей захотелось забыть обо всем и согласиться на любое требование этой девушки.

Все что угодно, даже болезнь, лишь бы Тан Сяожань была счастлива.

Но разум упрямо подавлял этот порыв, заставляя ее казаться безучастной, сидящей там.

Привычка, выработанная за двадцать лет, в моменты, когда она хотела расслабиться, словно держала предохранитель, временно заменяющий работу других нервов, позволяя ей странным образом сохранять холодный, даже ледяной мир в уже кипящем мозгу.

Тан Сяожань надула губы, увидев, что Сяо Шисинь больше не говорит, наконец не выдержала и протянула руку, слегка потянув ее за рукав, слегка покачивая.

Как ребенок, который сначала капризничал, требуя игрушку, а увидев, что у родителей пустые карманы, молча поднялся, вытер слезы и с обидой пошел домой.

— Командировка не утомила, но сдерживаться, чтобы не говорить с тобой, было очень тяжело. Сестрица Сяо, ответь мне хоть что-нибудь...

Ведь злиться тоже была она, а теперь обижаться тоже она.

На самом деле, Сяо Шисинь с самого начала не могла не обращать на нее внимания.

Президент Сяо была полна беспомощности, но не могла вымолвить ни слова возражения, лишь слегка согласилась:

— Ммм.

Тан Сяожань тут же схватилась за эту ступеньку.

Она быстро перебралась на диване вперед и в следующую секунду уже обняла Сяо Шисинь, как щенка, с удовольствием приподняв подбородок и потеревшись о ее плечо.

Подойдя ближе, она заметила, что духи президента Сяо сменились, теперь это был другой фруктово-цветочный аромат, более легкий.

Хотя и он был приятен, но отсутствие того запаха, который сводил ее с ума, вызвало легкое разочарование.

Но вскоре она снова собралась с силами!

«Ничего страшного, возможно, я просто слишком торопилась, и та ночь, слишком бурная,

напугала и без того целомудренную президента Сяо, так что, действуя постепенно, у меня еще будет шанс.»

Так утешив и ободрив себя, Тан Сяожань почувствовала, что намеренно игнорировавшая президента Сяо она была просто дурочкой.

— Сестрица Сяо, если я в будущем буду так дурить, ты ругай меня... Я, я больше не буду так делать, сдерживаться и не отвечать на твои сообщения — это просто самоистязание, вау — — Тан Сяожань тихо говорила это на ухо Сяо Шисинь, и так как это было редкое признание ошибок, ее голос становился все тише, а толстая, как стена, кожа лица покраснела.

Она крепко обняла Сяо Шисинь, не позволяя ей повернуться и посмотреть на себя, голову прижав к плечу президента Сяо, показывая полную привязанность.

— Это не твоя вина. — Хотя в голосе Тан Сяожань больше было смущения, чем стыда, Сяо Шисинь все равно почувствовала, как сердце сжалось.

То, о чем говорила Тан Сяожань, было совершенно нормальным для влюбленных, но она так категорично отказала.

«Как это может быть ошибкой Сяожань? Ошибка была только в ней.»

Сяо Шисинь хотела что-то сказать, но в этот момент Тан Сяожань наклонила голову, слегка наклонилась вперед и поцеловала ее в щеку, с улыбкой прервав:

— Ладно, объявляю, что участница Тан Сяожань ошибочно начала холодную войну, но теперь искренне осознала свою ошибку, но чтобы избежать ее возмущения, мы больше не будем обсуждать эту тему, ок?~

Глаза Сяо Шисинь смотрели на ее улыбку, постепенно наполняясь этим смехом, острые черты лица смягчились.

Что она могла сказать?

Она могла только согласиться со всем, что говорила эта девушка.

Услышав ее согласие, Тан Сяожань с радостью снова поцеловала ее.

А затем, обняв, тихо сказала:

— Сестрица Сяо, мы больше никогда не будем ссориться и не будем молчать.

Сяо Шисинь продолжала соглашаться.

— Хотя ты выглядишь такой сильной, но я думаю, если я не буду с тобой разговаривать, и ты останешься одна в этом доме, ты будешь выглядеть как маленькая жалкая.

Тан Сяожань продолжила.

Сяо Шисинь хотела снова сказать «Ммм», но услышав в конце «маленькая жалкая», медленно моргнула.

«...Кажется, что-то не так?»

Повернувшись к Тан Сяожань, увидев в ее глазах скрытую улыбку, Сяо Шисинь лишь слегка покачала головой.

«Ладно, лишь бы она была счастлива.»

Улыбка на губах Тан Сяожань становилась все шире, она положила голову на плечо Сяо Шисинь и наконец не сдержалась, засмеявшись.

Каждый раз, когда она видела, как Сяо Шисинь так ее балует, она чувствовала себя так счастливо, словно сорвала самую яркую звезду с неба.

Она смеялась, повторяя в душе только что сказанные слова.

«Сестрица Сяо, мы больше никогда не будем ссориться и не будем молчать. Потому что я просто не могу позволить тебе грустить, не могу позволить грустить тому, кто так меня любит.»

На следующее утро.

Около восьми часов утра Тан Сяожань открыла дверь своего дома, в прихожей, прислонившись к стене, высунула голову в сторону гостиной и столовой, одновременно тихо поздоровавшись с дядей Чжао, стоящим неподалеку, и спросила:

— Дядя Чжао, доброе утро, папа и старший брат уже встали?

Со стороны столовой раздалось несколько нарочитых покашливаний.

— А почему ты не спросила, встал ли я? — Тан Сяоюй повернулся, положив левый локоть на спинку стула, его тон был полон высокомерия, выдавая его нынешнее раздражение.

Тан Сяожань выпрямилась и направилась туда — зря она не пришла на час раньше, виновата кровать президента Сяо, на которой так удобно спать, и одеяло, которое так крепко ее обнимало.

— Доброе утро. — Притворившись, что ничего не произошло у двери, Тан Сяожань спокойно помахала им и направилась к столу для завтрака.

Тан Сяоюй смотрел на нее с плохим настроением.

Она села рядом, улыбаясь ему, полностью игнорируя его хмурое лицо, и, сжав зубы, выдавила:

— Я же знаю, что ты обычно не встаешь до двенадцати.

Тан Сяоюй фыркнул, взял палочки и схватил кусок жареного теста, яростно откусив.

Он был просто в ярости, ведь он ждал того самого «получасового звонка» всю ночь, а потом ничего не произошло.

«Он знал! По сравнению с президентом Сяо, его место в сердце старшей сестры было на уровне пыли!»

Папа Тан, одетый в новую черную куртку с воротником, закончил завтрак, сидел в углу и читал газету.

Тан Сяожань взяла стакан соевого молока, сделала глоток и, обращаясь к старшему брату, сидящему напротив, сказала:

— Вчера я поужинала с несколькими поставщиками из города G, они очень хотят получить заказы от нашей компании «Гаошэн» —

Услышав повышение тона в конце ее фразы и удачно поставленную паузу, Тан Сяочжан усмехнулся, взял салфетку, не спеша вытер рот и низким голосом продолжил:

— Но, видя, что ты девушка, а о нашей семье ходят разные слухи, они не решаются подписать с тобой контракт.

Что касается этих слухов, то они сводились к тому, что семья Тан вырастила неблагодарного волчонка, который, повзрослев, начал делить наследство, и делал это так грубо, что даже не собирался оставить что-то двум младшим.

Тан Сяожань щелкнула пальцами, все верно.

Затем нарочно сморщила нос:

— Вау, старший брат, я столкнулась с такой печальной ситуацией, а ты еще смеешься? Пластиковые братские чувства.

Вместе с ее голосом раздался презрительный смешок из носа Тан Чжихуа.

— Если бы я верил их слухам, то сейчас был бы уже настолько стар, что не мог бы различать людей, и даже лежал бы в больнице, превратившись в растение.

— Тьфу-тьфу-тьфу, папа, не говори таких вещей. — Тан Сяожань повернулась к нему, как раз в тот момент, когда папа Тан слегка опустил газету, чтобы перевернуть страницу, и она увидела его чистую, без единого пятнышка, черную куртку, и тут же похвалила:

— О? Папа, сегодня ты выглядишь очень стильно.

Глупая автор поняла, что они действительно очень сладкие, словно я сама влюбилась...

<http://bllate.org/book/16430/1489446>